

Вэй Тяньюй с интересом приблизился, чтобы разглядеть получше. Остальные тоже внимательно его изучали.

На нём был камуфляж для джунглей, выглядел он ничем не примечательно, если не считать нарукавный шеврон — на небесно-голубом фоне красовалась ослепительная молния, словно воплощающая несокрушимую силу.

Сайфулла неспешно подошёл и со всей силы отвесил ему пощёчину, затем потер ладонь и тихим, почти ласковым голосом спросил по-английски:

— Как тебя зовут?

Из уголка рта Лэй Хунфэя вытекла тонкая струйка крови. Он усмехнулся и плюнул.

Сайфулла, улыбаясь, повернулся к Эйлин:

— Скорее всего, он не понимает по-английски. Объясни ему сама.

Эйлин с хитрой улыбкой подошла ближе, двусмысленно провела пальцем по его лицу и на ломаном китайском произнесла:

— Красавчик, какой же ты крутой. Как тебя звать?

Лэй Хунфэй с презрением посмотрел на неё, плюнул ей прямо в лицо и на чистом английском бросил:

— Шлюха, хватит ломать комедию. На меня это не действует.

Выражение лица Лин Цзыханя не изменилось, но внутри у него всё сжалось. Проклятый нахал, совсем не думает о тактике! Чистейшее самоубийство. Их в спецназе тоже учили противостоять допросам: хотя основной упор делался на то, как выдерживать пытки и распознавать уловки, они всё же осваивали и приёмы противодействия. Этот дурак сейчас ведёт себя так, будто нарочно ищет смерти. Или, может, он просто хочет умереть быстро. В конце концов, попав в лапы террористов, ты либо умрёшь быстро, либо мучительно — выбраться живым невозможно. Прецедентов уже было предостаточно. Если кто-то попытается его спасти, его используют как живой щит, и в его тело вопьются бесчисленные пули. Если же никто не придёт на выручку, его будут пытать, выбивая показания, а в конце, возможно, обезглавят на камеру, и запись разошлут по телеканалам по всему миру. Шансов, что товарищи вызволят его, — ничтожно мало. Лин Цзыхань быстро сообразил: Лэй Хунфэй отлично всё это понимает и потому не питает никаких иллюзий, просто хочет поскорее покончить с этим, умереть — и делу конец.

Лин Цзыхань молча наблюдал за Лэй Хунфэем. Сейчас перед ним был вовсе не тот бесстыжий прилипала, что обычно крутился рядом. В одиночку прикрывая отход, он проявил невероятную отвагу и ярость; попав в плен, остался непреклонным и всё так же дерзок; даже ругаясь на английском, в его словах сквозила пекинская уличная блатная хватка. Казалось, он смеётся в лицо самой смерти.

Прислонившись к стене, Лин Цзыхань с ленивым видом смотрел, как Эйлин, сбросив улыбку, вытерла с лица плевки, затем взяла кнут и принялась хлестать. Техника у неё была отточенная: каждый удар с оттяжкой срывал клочья одежды, обнажая окровавленную плоть.

На теле Лэй Хунфэя появлялись кровавые полосы, но он лишь усмехался, полный презрения:

— Прямо как змея, и язык у тебя такой же гибкий.

Эйлин разозлилась ещё больше, и удары посыпались градом. Устав, она швырнула кнут и сказала стоявшему рядом подручному Гусмана:

— Принесите калёное железо. Пусть работают, как вышивальщицы, медленно, аккуратно, чтобы на всём его теле проступил узор из маковых цветов. С искусством.

Остальные засмеялись:

— Отлично, прекрасная задумка.

Эйлин, глядя на Лэй Хунфэя, вдруг снова улыбнулась:

— Люблю крепких мужчин. Ты мне по нраву.

Лэй Хунфэй скривился, будто его сейчас вырвет, и холодно усмехнулся:

— Жаль, а вот твоя внешность даже дешёвую проститутку не дотягивает. У меня ни капли желания, одно лишь омерзение.

На этот раз Эйлин не рассердилась, а самодовольно рассмеялась:

— Раз такой крепкий, отлично. Сегодня мы вышьем на тебе цветочки, сделаем красивее — так интереснее. Завтра попробуем что-нибудь ещё. Дорогой, мы недавно разработали новый продукт, называется «Ангельская пыль». Красивое имя, правда? Я велю принести завтра, ты попробуешь, почувствуешь, каково это — парить между небом и землёй. Посмотрим, останешься ли таким же твёрдым. Боюсь, через пару минут будешь, как собачонка, ползать у моих ног и выпрашивать подачку.

Тут Сайфулла мрачно добавил:

— Отлично. Сначала «Ангельская пыль», потом сыворотка правды. Посмотрим, как долго он продержится.

Несколько террористов внесли жаровню с раскалёнными докрасна железными прутьями.

Один из них рванул одежду на груди Лэй Хунфэя, другой тут же приложил к его телу калёное железо.

Лэй Хунфэй весь напрягся от внезапной боли. Зубы его скрежетали, но он не издал ни звука.

Когда раскалённое железо остыло, его убрали, а следующий уже приготовил таз с перцовой водой и выплеснул её на раны.

Лэй Хунфэй дрожал от боли, перед глазами всё плыло, но он держался из последних сил, ни за что не показывая врагам слабинку.

Когда ужасные ожоги на его груди сложились в узор из маковых цветов, голова его бессильно упала — он наконец потерял сознание.

Вскоре ему в лицо выплеснули таз ледяной родниковой воды, и он очнулся.

Пытки продолжались, но зрелищности и азарта в них уже не было. Пленник оказался слишком

крепким орешком: с начала до конца не проронил ни слова, даже не простонал, отчего весь процесс стал унылым и неинтересным. В комнате повис тяжёлый запах горелой плоти, постепенно становившийся невыносимым.

Гусман равнодушно сказал:

— Эйлин, Сайфулла, сдаю его вам. Мы больше не будем присутствовать. Если что-то выбьете — сообщите.

Эйлин брезгливо скривила губы, тоже чувствуя, что азарт угас:

— Сегодня мы и так бегали, и дрались — целый день на нервах. Я устала. Пусть сегодня закончат с вышивкой, а завтра я опробую новинку.

Сайфулла не возражал. Последние дни и ночи они почти не отдыхали — то в боях, то в бегах. Он и сам измотался. Это место было его владением, охранялось надёжно и оставалось в тайне годами, никогда не подводило — здесь можно было чувствовать себя в безопасности. Поэтому он решил сегодня как следует отдохнуть, а подчинённым велел продолжать пытаться пленника, измотать его волю — завтра можно будет приступить к допросу.

Компания вышла наружу. Ночь уже густо окутала всю деревню. Горный ветер выл в темноте, лес вокруг шумел, словно в нём притаились тысячи солдат. С неба заморосил мелкий дождь, его шорох, тонкий и частый, напоминал шелест миллионов мелких существ, пробирающихся под землёй.

Гусман, подумав, сказал Сайфулле:

— Что-то мне не по себе. Сегодня утроим караулы.

Сайфулла кивнул:

— Я уже распорядился.

Гусман взглянул на Вэй Тяньюя и улыбнулся:

— Муша, ты и Сяо Цю побудете с нами. Сегодня людей неожиданно прибыло много, комнат на всех не хватает.

Вэй Тяньюй тут же согласился:

— Хорошо, без проблем.

Они вернулись в тот дом, где ужинали. Гусман провёл их на второй этаж и указал на комнату в глубине:

— Остановитесь здесь. Условия скромные, но перебиться можно.

Вэй Тяньюй мягко улыбнулся:

— Всё прекрасно. Скажите, а где здесь уборная?

Гусман рассмеялся:

— Туалетов тут нет. Если нужно справить нужду, идите в горы, где придётся, — послужит

удобрением для растений. Если хотите помыться, можно в комнате в тазу обтереться.

Вэй Тяньюй с улыбкой кивнул:

— Понял.

Они вошли в комнату. Лин Цзыхань закрыл дверь, притянул Вэй Тяньюя к кровати, затем припал к его уху и прошептал:

— Я должен его спасти.

Вэй Тяньюй не стал возражать, но почувствовал, что Лин Цзыхань, обычно сдержанный, сейчас дрожал. Он обнял его и тихо спросил:

— Что случилось?

Лин Цзыхань сдерживался уже давно. Глядя, как Лэй Хунфэй стойко переносит чудовищную боль, он чувствовал, будто его сердце режут на куски; в какой-то момент он даже перестал дышать, и лишь закалённая стальная воля позволила сохранить маску безразличия.

Услышав заботливый вопрос Вэй Тяньюя, Лин Цзыхань не мог объяснить подробно, лишь твёрдо сказал:

— Его нужно спасти. Сегодня же ночью. Иначе завтра он будет сломлен, и даже если вытащим — будет бесполезен.

Вэй Тяньюй тут же ответил:

— Хорошо. Мерлин, должно быть, уже здесь. Подадим сигнал, пусть выступают.

<http://bllate.org/book/16287/1468120>